

ЯВНЫЕ ПОРОКИ АКАДЕМИКОВ

Тех же щей да иначе влей

Сентябрь 1996 г. — № 10.

Леонид Кацис

книги Алексея Крученых «Наш выход» непростая судьба. До того, как этот мемуар пришел к российскому читателю в сопровождении краткой «Автобиографии дичайшего» и «Живого Маяковского» (записи острот поэта), в том же агентстве случилось издание английское. Казалось, что недостатки книги связаны с чужим языком и что на русском все будет в порядке. Увы, в русском варианте недочеты комментария стали лишь нагляднее. Причиной тому полная неразбериха: что же надо и что не надо комментировать? (Из мелочей: слово «передновинца» не атрибутируется Соллогубу, зато «Недотыкомка» комментируется.)

Но это полбеды. Беда там, где выясняется, что комментаторы попались на элементарную уловку Крученых и почитают долгом «предупредить» читателя. Рудольф Дуганов пишет: «Многие страницы книги оставляют впечатление торжества той самой широковещательной банаильности, которой Крученых так неистово противился в стихах, причем банаильности в худшем ее, верноподданническом варианте тридцатых годов. Правда, эти идеологические прописи настолько поверхностны, что никакие очковтирательские усилия Крученых, конечно, и тогда никого не могли ввести в заблуждение. Неудивительно, что книга осталась неизданной. И сейчас, ожидая найти в ней отражение двух эпох, связь начал и концов авангардного движения, мы не находим желаемого <...> Выставить Крученых из литературы, разумеется, невозможно. Но откинуть несостоятельную и невразумительную ерунду в его мемуарах можно и нужно, и тогда мы увидим немало интересного и чрезвычайно своеобразного, чего мы не найдем ни у кого другого».

С авангардистами класса Крученых надо быть настороже. Иначе за «регистраторством» банаильностей упустишь суть. Взглянем на некоторые образцы «ерунды». В «Автобиографии дичайшего» читаем: «Помню один такой случай: встречает меня в магазине один из пострадавших двоюрян в желто-гусарском «околыше» и угрожает:

— Если вы не изымите карикатуру на меня, то будете избиты!

На что я скромно:

— В чем дело? Бейте!

— Нет, я вас повстречаю в темном переулке и там...

— Ну, такие не бьют, которые обдумывают, как бы встретить в темном переулке!

Так меня и не побили... Я и не жалею...

Кажется, эпизод, связанный с крученховским изданием литографированных альбомов «Весь Херсон», комментария не требует. Не требует — если искать «начала и концы» авангарда. Но для «Буки русского футуризма» «конца» быть не могло — на то и «мирсконца». После автобиографии

1928 года им написана поэма о любимой женщине — Ирине Смирновой — «Ирониада» (1930), где читаем: «Не в открытом бою/ мужей Аришки перебью/ в темном перешейке/ по-пе-ре-ку-сы-ва-ю/ шеки». Заметь это комментаторы, и начал бы создаваться калоритный образ поэта. А каков следующий абзац! «Не рассказываю о других ужасах моей жизни, например, о том, как в детстве я задохнулся в дыму пожара (не мирового, а домашнего), как тонул в родном Днепре, как разбился, падая с мельницы моего деда...» Начало, похоже, из «ерунды»: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздаем...» (Блок); затем «редкая птица доплынет/ долетит до серединь Днепра»; наконец, Дон Кихот с ветряными мельницами.

Сходно построена и концовка краткой автобиографии: «...1914 год... Война. Зная эту лавочку, я предположил скромненхонько удалился на Кавказ. К 1916 г. докатился до Тифлиса». Здесь бы и сообщить читателям о том, как в «Манифесте летучей федерации футуристов» употреблено слово «лавочка» («В мелочных лавочках, называемых высокопарно выставками...»), да напомнить о тифлисской футуристической книге «Война» — глядишь, хитрый Крученых подмигнул бы читателю.

Вместо этого — пародия на академические примечания, что неожиданно упирается в указание: комментарий к главе о Филюнове смотри в публикации А. Парнича 1988 года. Надеемся вскоре «посмотреть» куда более подробные комментарии этого исследователя к хлебниковским главам «Нашего выхода». Кстати, наиболее трудная глава о смерти Предземшира в разбираемой книге практически не комментируется. Составителям достаточно фразы: «Кажется, Крученых вовсе лишен исторического сознания, предполагающего прежде всего чувство пределов, итогов и требующего выводов или, что называется, уроков истории. Нет, всякие поиски смысла событий, как и любые идеологические надстройки, ему, очевидно, попросту безразличны. Поэтому так бессодержательны завершающие главы книги <...> и так ложны главы «Конец Велимира Хлебникова», где смерть поэта объясняется материальными лишениями и желанием лечиться, и «Конец Маяковского», где его самоубийство объясняется расстройством речевого аппарата».

Надеемся, что расстройство стилистического аппарата комментаторов

не помешает читателю проследить развитие образов «Во весь голос» на протяжении всей книги и увидеть в ней настойчивую защиту Маяковского от ложных обвинений. Создатель выпусков «Живого Маяковского» и издатель «Неизданного Хлебникова» имеет право говорить о том, что для него живо и болит, в любом тоне.

«Позднему» Крученых не были чужды «любые идеологические надстройки». Иначе на небезопасных политических стихах о социалистическом строительстве он не писал бы (для хорошо известных соглядатаев!) корявым «алкоголическим» почерком: «был пьян». Но такой Крученых спрятан, заменен дурными службами. Рукописи неразборчивы. Количество рукописных сборников и альбомов толком никому неизвестно. Да, похоже, и разборчивые «продукции» не прочитаны теми, кто взялся «наводить хрестоматийный глянец» на «дикаря».

Автор предисловия, когда-то друживший с Алексеем Елисеевичем, задал полупрокурорский тон, и пошло-поехало. Комичные характеристики многих художников Серебряного века и цитировать неудобно. Разводя исследователей по рубрикам «литературовед» и «историк литературы», соавторы не чувствуют, сколь смешно это звучит: сам Крученых делил будущих своих комментаторов на «профессионалов-историков» и «регистраторов»!

Словом, автор книги «Тайные пороки академиков» сам стал достоянием доцента, к тому же еще и «физика». Составители не забыли включить себя в именной указатель: Дуганов Рудольф Валентинович (1940), литературовед; Никитаев Александр Тихонович (1935), физик, историк литературы. (К сожалению, третья участница издания места в именном указателе не удостоилась, ибо ссылок на ее работы в тексте нет. Память подскаживает: В. Терехина — один из лучших знатоков мемуаристики о Маяковском. Потому в «Нашем выходе» отмечены многочисленные совпадения и расхождения Крученых с другими мемуаристами.)

Все закономерно. Именно в непрофессиональной «физико-лирической» среде 50—60-х годов развивалось любительское авангардоведение и дилетантское собирательство. Но времена меняются — представлять восторг тогдашних неофитов на сегодняшний читательский суд кажется делом странным. Зачем с одним из лидеров мирового авангарда разговаривать, как с недоучившимся школьником? Тем более в книге, открывающейся словами Пастернака: «Мильный Крученых, на что тебе это предисловие?» И комментарии — добавим мы.

КАЗИМИР МАЛЕНЧ